

„РУССКАЯ ПРОБЛЕМА“

«Возстановленіе Россіи» въ томъ видѣ, какъ рисуютъ его себѣ русскіе политическіе эмигранты, есть ничто иное, какъ чудо. Въ одно прекрасное утро мы проснемся и узнаемъ, что все что по нашему представленію сейчасъ происходитъ въ Россіи было только тяжелымъ сномъ, или что все это вдругъ, по мановенію волшебнаго жезла, исчезло. Россія опять оказывается великой державой, которую всѣ боятся и уважаютъ, которой на перерывъ предлагаютъ самыя заманчивыя политическія и экономическія комбинаціи, которой остается только свободно избрать себѣ самую лучшую форму правленія и зажить припѣваячи на страхъ врагамъ и себѣ на славу. Что это, какъ не чудо?

Нельзя отрицать, что чудеса бывали, бываютъ и будутъ. Но можно ли исходить изъ чуда при политическихъ расчетахъ? Можно ли вводить чудо, какъ элементъ, при томъ необходимый, въ реально-политическое построеніе? Вѣдь чудо по самому своему опредѣленію неожиданно и не поддается предвидѣнію, предварительному вычисленію. Когда настоящій реальный политикъ строить планы на бу-

дущее, онъ долженъ учитывать только реальные возможности. Если онъ вѣрить въ возможность чуда и хочетъ быть особенно осторожнымъ, то самое большее, что онъ можетъ сдѣлать, это — обдумать на всякій случай, какъ поступить, если въ тотъ или иной моментъ вмѣсто реально-возможнаго вдругъ произойдетъ чудо, — и только. Но политикъ, совершенно не считающійся съ реальными возможностями и обдумывающій свой планъ исключительно только на случай чуда, врядъ ли можетъ быть названъ «реальнымъ». Большой вопросъ, даже, приложимо ли вообще къ нему званіе «политика». А между тѣмъ, наши политическіе эмигранты всѣ таковы. Реальные возможности ихъ нисколько не интересуютъ. Они ихъ какъ будто даже не замѣчаютъ. Чудесное возстановленіе Россіи является для нихъ альфой и омегой, неизмѣнной цѣлью или отправной точкой всѣхъ ихъ плановъ, проектовъ и построеній. Эта слѣпая увѣренность въ неизбежности чуда была бы понятна, если бы рѣчь шла о какихъ-нибудь мистикахъ. Но вѣдь въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о практическихъ дѣятеляхъ, настроенныхъ позитивно. Что же это, слѣпота, не позволяющая видѣть реальную дѣйствительность, или страхъ взглянуть этой дѣйствительности прямо въ лицо?..

II

Есть истины, признанныя болѣе или менѣе всѣми. Война, революція и большевистскіе экспе-

риментаторы довели Россію до такой полнѣйшей экономической разрухи, изъ которой она можетъ выбраться лишь постепенно, въ теченіе очень долгаго срока и при непремѣнномъ условіи самой дѣятельной и энергичной помощи иностранцевъ. Совѣтская власть, думаящая прежде всего о самосохраненіи, сумѣла создать такой режимъ, при которомъ голодное и обезоруженное населеніе способно, въ лучшемъ случаѣ, лишь къ мелкимъ мѣстнымъ бунтамъ, отчасти подавляемымъ силою, отчасти пресѣкаемымъ «взрывомъ изнутри», благодаря искусной системѣ пропаганды и провокацій. Скольконибудь крупное антибольшевистское движеніе невозможно безъ дѣятельной и серьезно проведенной до конца иностранной поддержки. Добровольное ослабленіе совѣтскаго режима возможно лишь при томъ условіи, если совѣтская власть получить возможность гарантировать свою неприкосновенность какимъ-нибудь другимъ способомъ, на примѣръ какимъ-нибудь прочнымъ и надежнымъ соглашеніемъ съ иностранцами, безъ помощи которыхъ сверженіе этой власти все равно невозможно. — Итакъ, установленіе въ Россіи скольконибудь сносныхъ условій жизни, обезпеченіе безопасности и матеріальныхъ нуждъ населенія, возможно лишь при условіи помощи иностранцевъ, иностраннаго вмѣшательства.

Подъ именемъ «иностранцевъ» разумѣются, конечно, тѣ «великія державы», которыя вели Міровую Войну. Кто онѣ — мы теперь знаемъ. Война смыла бѣлила и румяна гуманной романо-германской цивилизаціи, и теперь потомки древнихъ гал-

ловъ и германцевъ показали міру свой истинный ликъ, — ликъ хищнаго звѣря, жадно лязгающаго зубами. Этотъ звѣрь — настоящий «реальный политикъ». Онъ не таковъ, какъ наши «представители общественности». Въ чудо онъ не вѣритъ, надъ идеями смѣется. Ему подавай добычи, пищи, и побольше и повкуснѣй. А если не подашь, онъ самъ возьметъ, — на то у него техника, наука и культура, а главное пушки и броненосцы.

Вотъ каковы тѣ иностранцы, безъ содѣйствія которыхъ «возстановленіе Россіи» невозможно. Они воевали между собой за міровое господство. Міръ надо было подѣлить или цѣликомъ отдать одному побѣдителю. Однако, ни того, ни другого достигнуть не удалось. Огромная Россія, составляющая шестую часть свѣта, осталась «ничьей». Пока ее не подѣлятъ или не отдадутъ одному изъ романо-германскихъ звѣрей, Міровую Войну нельзя считать законченной. Въ этомъ и состоитъ сущность «русской проблемы» для романо-германцевъ. Эти послѣдніе смотрятъ на Россію, какъ на возможную колонію. Огромные размѣры Россіи нисколько ихъ не смущаютъ. По количеству населенія Индія больше Россіи, а между тѣмъ вся она захвачена Англійей. Африка превосходитъ Россію и по величинѣ, а между тѣмъ, вся она подѣлена между нѣсколькими романо-германскими державами. Такъ должно быть и съ Россіей. Россія есть территорія, на которой произрастаетъ то-то и то-то, въ которой имѣются такія ископаемыя. Что на этой территоріи есть населеніе — это не важно: имъ займутся этнографы; для политики интересна, главнымъ образомъ, терри-

торія, а туземное населеніе — лишь въ качествѣ рабочей силы.

Можно ли представить себѣ, что эти самые иностранцы, помогши Россіи «возстановиться» и стать на ноги, любезно поклонятся и отойдутъ въ сторону? Въ порядкѣ чуда такую картину рисовать себѣ можно, но если стоять на точкѣ зрѣнія реальныхъ возможностей и вѣроятностей, надо признать, что такой поворотъ дѣла опредѣленно исключенъ. Тѣ романо-германскія державы, которыя окажутъ Россіи помощь, точнѣе — будутъ оказывать Россіи помощь, ибо помощь требуется продолжительная, сдѣлають это, конечно, не по филантропическимъ побужденіямъ и постараются поставить дѣло такъ, чтобы въ обмѣнъ на эту помощь получить Россію въ качествѣ своей колоніи. Пока трудно предвидѣть, какая именно изъ романо-германскихъ державъ выступить въ этой роли, будетъ ли это Англія, Германія, Америка или консорціумъ державъ, который раздѣлитъ Россію на «сферы вліянія». Съ увѣренностью можно сказать только то, что о полномъ инкорпорированіи Россіи къ той или иной державѣ, о включеніи ее цѣликомъ въ официальный списокъ колониальныхъ владѣній какой-нибудь державы, рѣчи быть не можетъ. Россіи будетъ предоставлена тѣнь, видимость самостоятельности, въ ней будетъ посажено какое-нибудь безусловно покорное иностранцамъ правительство, которое будетъ пользоваться тѣми же правами, какими прежде пользовалось правительство Бухарское, Сіамское или Комбоджское. Безразлично, будетъ ли это правительство эсеровскимъ, кадетскимъ,

большевистскимъ, октябристскимъ или правымъ. Важно то, что оно будетъ фиктивнымъ.

Вотъ та реально возможная перспектива, которая рисуется при безпристрастномъ взглядѣ на создавшееся положеніе. Возстановленіе Россіи возможно только цѣною утраты ея самостоятельности.

III

Большевики, какъ политики вполне реальные, не могутъ не учитывать неизбежности иностраннаго ига. Вся политика иностранцевъ по отношенію къ Совѣтской Россіи въ общемъ сводится къ тому, что иностранцы надѣются создать вышеупомянутое покорное русское правительство изъ большевиковъ; большевики же то играютъ въ поддавки, то выпускаютъ когти. Благодаря этому, процессъ затягивается. Иностранцамъ безусловно выгоднѣе «приручить» совѣтскую власть, чѣмъ свергать ее и замѣнить какой-то новой, и къ рѣшительному сверженію большевиковъ они приступаютъ лишь тогда, когда убѣдятся, что «приручить» большевиковъ невозможно. Потому то совѣтская власть своей двусмысленной тактикой выигрываетъ время. Но какъ бы ни затягивался процессъ, все же у совѣтской власти впереди лишь двѣ перспективы, — либо превратиться въ покорное иностранцамъ правительство, подобно правительству Комбоджи или Бухары, либо уйти, предоставивъ свое мѣсто такому же покорному правительству, составленному изъ представителей другихъ партій. Если большевики, тѣмъ не

менѣе, считаютъ выгоднымъ затягивать процессъ, то это потому, что они надѣются еще на одну «последнюю ставку», — на пресловутую всемірную революцію.

Всемірная революція, коммунистическій переворотъ во всѣхъ романо-германскихъ странахъ есть единственное, что можетъ спасти русскую совѣтскую власть отъ гибели или отъ подчиненія «буржуазнымъ» правительствамъ запада. Трудно сказать насколько основательны надежды нашихъ большевиковъ на эту всемірную революцію. Сейчасъ въ романо-германскихъ странахъ какъ будто все обстоитъ благополучно, и рабочее движеніе какъ будто входитъ въ какое-то «безопасное» русло. Но совершенно неизвѣстно, насколько это положеніе прочно, и не можетъ ли оно сразу измѣниться, особенно если напряженное международное положеніе опять разразится вооруженнымъ конфликтомъ. Для рѣшенія этого вопроса необходимо имѣть въ рукахъ множество фактическихъ данныхъ, которыхъ нѣтъ ни у кого, кромѣ тѣхъ же русскихъ большевиковъ, сосредоточившихъ у себя свѣдѣнія о подготовкѣ коммунистическаго переворота во всѣхъ странахъ міра. Разумѣется, что когда эти самые большевики съ увѣренностью предсказываютъ міровую революцію, къ нимъ съ безусловнымъ довѣріемъ относиться нельзя, ибо они могутъ въ данномъ случаѣ и просто утѣшать самихъ себя. Однако, для опроверженія ихъ утвержденія основаній тоже нѣтъ.

Для насъ важно рѣшить вопросъ, внесетъ ли міровая революція существенное измѣненіе въ тѣ перспективы, которыя, какъ сказано выше, рисуются

передъ Россіей. Если большевики ждутъ отъ этой революціи спасенія, то это потому, что главную опасность со стороны иностранцевъ они видятъ не въ политическомъ и экономическомъ порабоженіи Россіи, а въ томъ, что опека «буржуазныхъ» романо-германскихъ правительствъ помѣшаетъ русской совѣтской власти въ полной мѣрѣ осуществить въ Россіи идеалы коммунистическаго строя. И дѣйствительно, эта «опасность» всемірной революціей устраняется. Но для насъ, не-коммунистовъ, уничтоженіе коммунистическаго строя отнюдь не является «опасностью», и потому насъ можетъ интересовать только вопросъ о томъ: устраняется ли при условіи всемірной революціи опасность порабоженія Россіи иностранцами. И вотъ на этотъ то вопросъ приходится отвѣтить безусловно отрицательно.

Соціализмъ и коммунизмъ суть порожденія романо-германской цивилизаціи. Они предполагаютъ опредѣленные условія соціального, экономическаго, политическаго и технического свойства, которыя существуютъ во всѣхъ романо-германскихъ странахъ, но не существуютъ въ странахъ «отсталыхъ», то есть не успѣвшихъ вполне и во всемъ уподобиться романо-германскимъ странамъ. Если коммунистическій переворотъ произойдетъ во всемъ мірѣ, то несомнѣнно наиболѣе совершенными, образцовыми коммунистическими государствами окажутся тѣ романо-германскія страны, которыя и сейчасъ стоятъ на «вершинахъ прогресса». Онѣ будутъ продолжать «задавать тонъ» и занимать господствующее положеніе. «Отсталая» Россія, растратившая послѣднія силы на попытки осуществленія соціали-

лизма при самых неблагоприятных условиях и при отсутствии необходимых для этого социально-экономических и технических предпосылок, окажется в полном подчинении у этих «передовых» коммунистических государств и подвергнется со стороны их самой беззастычивой эксплуатации. Если и сейчас население России страдает и бедствует в значительной мере потому, что громадная часть русских национальных богатств тратится на коммунистическую пропаганду за границей и на поддержку иностранного рабочего движения, то что же будет тогда, когда потом и кровь русского рабочего и крестьянина будет укрепляться и поддерживаться благополучие образцовых коммунистических государств Европы, и когда «спецы», руководящие эксплуатацией «отсталых» и «малосознательных» «туземцев», будут представителями этих самых образцовых коммунистических государств?

Таким образом, всемирная революция по существу ничем не изменит мрачных перспектив, стоящих перед Россией. Без этой революции Россия будет колонией буржуазных романо-германских стран, а после этой революции — колонией коммунистической Европы. Но колонией она будет во всяком случае, при той и при другой комбинации. Страница истории, на которой написано «Россия — великая европейская держава» раз навсегда перевернулась. Отныне Россия вступила в новую эпоху своей жизни, в эпоху утраты независимости. Будущая Россия — колониальная страна, подобная Индии, Египту или Марокко.

Это — единственная реальная возможность, существующая в будущем для России, и всякому реальному политику только с этой возможностью и слѣдует считаться, если только не произойдет чуда.

IV

Вступление России в семью колониальных стран происходит при довольно благоприятных auspiciis. Престиж романо-германцев в колониях за последнее время заметно падает. Презренные «туземцы» всюду постепенно начинают поднимать головы и относиться критически к своим господам. Романо-германцы, конечно, сами в этом виноваты. Во время Мировой Войны они вели пропаганду в чужих колониях, дискредитируя друг друга в глазах «туземцев». Они обучали этих туземцев военному делу и заставляли их сражаться на фронт против других романо-германцев, приучая туземцев к побѣдѣ над «расой господ». Они расплодили среди туземцев сословие интеллигентов с европейским образованием и, вмѣстѣ с тѣмъ, показали этим интеллигентам истинный лик европейской культуры, в котором нельзя было не разочароваться. Как бы то ни было, стремление к освобождению от романо-германского ига теперь на лицо во многих колониальных странах, и если в некоторых из них стремление это проявляется в бессмысленных, легко подавляемых вооруженных восстаниях, в других наблюдаются признаки болѣе серьезнаго

и глубокаго національнаго движенія. Въ туманной дали какъ будто открываются перспективы грядущаго освобожденія угнетеннаго человѣчества отъ ига романо-германскихъ хищниковъ. Чувствуется, что романо-германскій міръ старѣеть, и что его старые извѣденные зубы скоро окажутся неспособными терзать и пережевывать лакомые куски поработенныхъ колоній.

При такихъ условіяхъ вступленіе въ среду колониальныхъ странъ новой колониальной страны, огромной Россіи, привыкшей существовать самостоятельно и смотрѣть на романо-германскія государства какъ на величины, болѣе или менѣе, ей равныя, можетъ явиться рѣшительнымъ толчкомъ въ дѣлѣ эмансипаціи колониальнаго міра отъ романо-германскаго гнета. Россія можетъ сразу стать во главѣ этого всемірнаго движенія. И надо признать, что большевики, которые своими экспериментами несомнѣнно въ концѣ концовъ привели Россію къ неизбежности сдѣлаться иностранной колоніей, въ то же время подготовили Россію и къ ея новой исторической роли вождя за освобожденіе колониальнаго міра отъ романо-германскаго ига.

Ведя свою коммунистическую пропаганду среди «азіатовъ», большевики съ самаго начала сталкивались съ однимъ общимъ явленіемъ. Чисто-коммунистическія идеи, за отсутствіемъ въ азіатскихъ странахъ подходящихъ соціально-бытовыхъ условій, всюду оказывались сравнительно малопопулярными. За то необычайный успѣхъ имѣла проповѣдь, направленная противъ романо-германцевъ и романо-германской культуры. Коммунистическая

пропаганда воспринималась, какъ національная проповѣдь противъ европейцевъ и ихъ прислѣдниковъ. Подъ «буржуемъ» понимался либо европейскій купецъ, инженеръ, чиновникъ, эксплуатирующій туземцевъ, либо европеизированный туземецъ-интеллигентъ, воспринявшій европейскую культуру, надѣвшій европейскій костюмъ и утратившій связь съ роднымъ народомъ. Большевики были отчасти рады этому недоразумѣнію, такъ какъ оно давало имъ возможность, хотя бы обманнымъ образомъ, использовать въ своихъ цѣляхъ недовольство значительныхъ массъ населенія Азіи. Но все же особенно поощрять такое «неправильное» пониманіе коммунистической пропаганды и дать ему вылиться въ теоретически-обоснованное и серьезно-продуманное національное движеніе, они, коммунисты и интернаціоналисты, конечно, не могутъ. Потому-то, въ большинствѣ азіатскихъ странъ дѣло сейчасъ не идетъ дальше именно этого недоразумѣнія, при которомъ элементы коммунизма и марксизма соединяются съ элементами мизонизма, европофобіи и націонализма въ причудливую и довольно безформенную смѣсь.

И все же, дѣло сдѣлано. Въ сознаніи значительной части «азіатовъ» большевики, а съ ними вмѣстѣ и Россія, прочно ассоціировались съ идеями національнаго освобожденія, съ протестомъ противъ романо-германцевъ и европейской цивилизаціи. Такъ смотрятъ на Россію въ Турціи, въ Персіи, въ Афганистанѣ и въ Индіи, отчасти въ Китаѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ восточной Азіи. И этотъ взглядъ подготавливаетъ будущую роль Рос-

си, Россіи уже не великой европейской державы, а огромной колониальной страны, стоящей во главѣ своихъ азіатскихъ сестеръ въ ихъ совмѣстной борьбѣ противъ романо-германцевъ и европейской цивилизации. Въ побѣдоносномъ исходѣ этой борьбы — единственная надежда на спасеніе Россіи. Въ прежнее время, когда Россія еще была великой европейской державой, можно было говорить о томъ, что интересы Россіи сходятся или расходятся съ интересами того или иного европейскаго государства. Теперь такіе разговоры безсмысленны. Отнынѣ интересы Россіи неразрывно связаны съ интересами Турціи, Персіи, Афганистана, Индіи, быть можетъ Китая и другихъ странъ Азіи. «Азіатская ориентація» становится единственной возможной для настоящаго русскаго націоналиста.

V

Но если сознание населенія значительной части азіатскихъ странъ подготовлено къ тому, чтобы принять Россію въ ея новой исторической роли, то сознание самой Россіи къ этой роли отнюдь не подготовлено. Русская интеллигенція въ своей массѣ продолжаетъ рабобѣпно преклоняться передъ европейской цивилизаціей, смотрѣть на себя, какъ на европейскую націю, тянуться за природными романо-германцами и мечтать о томъ, чтобы Россія въ культурномъ отношеніи, во всемъ была подобна настоящимъ романо-германскимъ странамъ. Сознательное желаніе отмежеваться отъ Европы есть

удѣлъ лишь единичныхъ личностей. Если у части нашихъ бѣженцевъ и эмигрантовъ наблюдается разочарованіе во французахъ и англичанахъ, то въ большинствѣ случаевъ это зависитъ отъ чисто-личной обиды противъ «союзниковъ», отъ которыхъ пришлось навидаться всякихъ оскорбленій и униженій во время эвакуаціи и при жизни въ бѣженскихъ лагеряхъ. Весьма часто это разочарованіе въ «союзникахъ» сейчасъ же переходитъ въ преувеличенную идеализацію нѣмцевъ; — такимъ образомъ, русскій интеллигентъ все-таки остается въ орбитѣ поклоненія романо-германцамъ (не тѣмъ, такъ другимъ), и вопросъ о критическомъ отношеніи къ европейской культурѣ въ немъ, все-таки, не поднимается.

При такихъ условіяхъ иностранное иго можетъ оказаться для Россіи роковымъ. Значительная часть русской интеллигенціи, превозносящая романо-германцевъ и смотрящая на свою родину, какъ на отсталую страну, которой «многому надо поучиться» у Европы, безъ зазрѣнія совѣсти пойдетъ на службу къ иностраннымъ работодателямъ и будетъ не за страхъ, а за совѣсть помогать дѣлу порабощенія и угнетенія Россіи. Прибавимъ ко всему этому и то, что первое время приходъ иностранцевъ будетъ связанъ съ нѣкоторымъ улучшеніемъ матеріальныхъ условій существованія, далѣе, что съ внѣшней стороны независимость Россіи будетъ оставаться какъ-будто незатронутой, и, наконецъ, что фиктивно-самостоятельное, безусловно-покорное иностранцамъ русское правительство въ то же время будетъ несомнѣнно чрезвычайно либеральнымъ

и передовымъ. Все это, до известной степени, закрывая суть дѣла отъ нѣкоторыхъ частей обывательской массы, будетъ облегчать самооправданіе и сдѣлки съ совѣстью тѣхъ русскихъ интеллигентовъ, которые отдадутъ себя на служеніе поработившимъ Россію иностранцамъ. А по этому пути можно уйти далеко: сначала — совмѣстная съ иностранцами помощь голодающему населенію, потомъ служба (разумѣется, на мелкихъ роляхъ) въ конторахъ иностранныхъ концессионеровъ, въ управленіи иностранной «контрольной комиссіи надъ русскимъ долгомъ», а тамъ и въ иностранной контръ-развѣдкѣ и т. д. Эта служба иностранцамъ сама по себѣ еще не такъ опасна и не такъ заслуживаетъ осужденія, тѣмъ болѣе что во многихъ случаяхъ она будетъ просто неизбежна. Самое вредное это, разумѣется, — моральная поддержка иностраннаго владычества. А между тѣмъ, при современномъ направленіи умовъ русской интеллигенціи, приходится признать, что такая поддержка со стороны большинства этой интеллигенціи несомнѣнно будетъ оказана. Вотъ это и есть самое страшное. Если иностранное иго будетъ морально поддержано большинствомъ русской интеллигенціи, продолжающей преклоняться передъ европейской культурой и видѣть въ этой культурѣ безусловный идеаль и образецъ, которому надо слѣдовать, — то Россіи никогда не удастся сбросить съ себя иностранное иго и осуществить свою новую историческую миссію, — освобожденіе міра отъ власти романо-германскихъ хищниковъ. Осуществленіе этихъ задачъ возможно лишь при томъ условіи, если въ сознаніи всего рус-

скаго общества произойдетъ рѣзкій переломъ въ сторону духовнаго отмежеванія себя отъ Европы, утвержденія своей національной самобытности, стремленія къ самобытной національной культурѣ и отверженія европейской культуры. Если такой переломъ произойдетъ, — побѣда обеспечена и никакая служба иностранцамъ, никакое физическое подчиненіе романо-германцамъ не страшны. Если же этого не произойдетъ, — Россію ждетъ безславная и окончательная гибель.

VI

Мы рассмотрѣли тѣ перспективы, которыя открываются передъ Россіей. Что же должны дѣлать въ настоящее время русскіе люди, жаждущіе дѣятельности и стремящіеся хоть чѣмъ нибудь помочь, если не современной, то хотя бы будущей Россіи? Какія реальныя задачи ставятся передъ ними?

Всемирно способствовать сверженію совѣтской власти и экономическому возстановленію Россіи? — Но мы уже знаемъ, что и то и другое возможно лишь при условіи иностраннаго поработенія Россіи. Что же, ускорить этотъ неизбежный процессъ? Сознательно привести иностранцевъ въ Россію? — Прежде всего, на такое дѣло у многихъ даже реальныхъ политиковъ не поднимется рука. А во вторыхъ, что значить «привести иностранцевъ». Иностранцы пойдутъ въ Россію тогда, когда они найдутъ это для себя выгоднымъ и удобнымъ, и сдѣлаютъ это именно такъ, какъ это имъ подскажетъ

практическій расчетъ. Мольбы русскихъ эмигрантовъ дѣла не ускорять, ибо иностранцы будутъ дѣйствовать не во имя челоуѣколюбія, а во имя своихъ интересовъ. Они придутъ въ Россію только въ томъ случаѣ, если сумѣютъ обезопасить себя отъ возможныхъ неприятныхъ послѣдствій этого шага: отъ международныхъ осложненій на почвѣ дѣлежа «русскаго наслѣдства», или отъ революціонныхъ вспышекъ въ собственномъ тылу. Пока соответствующій безопасный способъ вмѣшательства въ русскія дѣла не будетъ найденъ, никакія старанія русскихъ эмигрантовъ ни къ чему не приведутъ. Когда же онъ будетъ найденъ настоящими реальными политиками той или иной романо-германской державы, интервенція произойдетъ безъ всякаго давленія со стороны русской эмиграціи. Значитъ, въ этомъ вопросѣ русская эмиграція совершенно безсильна, и вся ея дѣятельность въ этомъ направленіи сводится къ нецѣлесообразной суетѣ.

Готовить себя къ участию въ будущемъ правительственномъ аппаратѣ «возстановленной» и «освобожденной отъ совѣтской власти» Россіи? — Но мы знаемъ, какой это будетъ правительственный аппаратъ: съ виду — настоящая русская власть, а фактически — проводникъ иностранной колониальной политики. Кому можетъ улыбнуться работа въ такомъ «аппаратѣ»? Мелкимъ честолюбцамъ стремящимся къ атрибутамъ власти, хотя бы фиктивной? Или безпринципнымъ авантюристамъ, мечтающимъ обезпечить личное благополучіе, хотя бы цѣною собственного позора и гибели родины? Такие люди всегда были, есть и будутъ. Не для нихъ, ко-

нечно, мы пишемъ все это. Пусть готовятся къ своей будущей работѣ; помѣшать имъ въ этомъ не возможно. Но пусть у другихъ откроются на нихъ глаза, пусть знаютъ всѣ, что это — предатели! Впрочемъ, кромѣ предателей, могутъ найтись и честные, идейные люди, которые захотятъ войти въ будущее, угодное иностранцамъ, русское правительство съ тѣмъ, чтобы путемъ упорнаго труда, соединеннаго съ гибкимъ макіавеллизмомъ, вывести Россію изъ подъ иностраннаго ига. Образъ Ивана Калиты упорно и методически творившаго великое дѣло собиранія Россіи, въ то же время покорно кланяясь Ордѣ, можетъ встать передъ этими идейными людьми, какъ путеводная звѣзда. Но Иванъ Калита былъ самостоятельнымъ княземъ, не зависящимъ ни отъ какого коллективнаго органа и ни отъ какихъ коллегъ по управленію. Татары не сидѣли у него на шеѣ въ видѣ посланниковъ или контрольных комиссій, а лишь изрѣдка наѣзжали за быстро и исправно выплачиваемой данью, предоставляя въ остальное время своему даннику полную свободу дѣйствія. Положеніе честнаго русскаго челоуѣка въ правительствѣ будущей, поработенной романо-германцами Россіи, будетъ гораздо труднѣе. Онъ будетъ дѣлить власть съ «кабинетомъ», состоящимъ преимущественно изъ упомянутыхъ выше честолюбцевъ и проходимцевъ, изъ которыхъ каждый съ большимъ удовольствіемъ свергнетъ своего сослуживца, дискредитировавъ его въ глазахъ все сильныхъ иностранцевъ. Сами эти иностранцы будутъ неусыпно и зорко слѣдить за дѣятельностью правительства черезъ своихъ официальныхъ пред-

ставителей и шпионовъ. Въ такой обстановкѣ дѣятельность новаго Ивана Калиты врядъ ли окажется очень продуктивной. Но главное, и это особенно слѣдуетъ подчеркнуть, безъ наличности въ обществѣ моральнаго отпора иностранцамъ, дѣятельность эта заранѣе обречена на полную неудачу.

Остается подготовка къ чисто технической работѣ по возстановленію транспорта, товарооборота, упорядоченію финансовъ и проч., при чемъ все это — при неизмѣнной перспективѣ дѣятельности въ обстановкѣ фактическаго иностраннаго господства. Эта перспектива дѣлаетъ всю эту техническую работу глубоко-одіозной. Вѣдь вся эта работа будетъ проходить въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ иностранцами и непремѣнно будетъ направляться на закрѣпленіе Россіи въ положеніи колониальной страны. Пока перспектива этой новой фазы существованія Россіи реально не встаетъ передъ сознаниемъ честныхъ русскихъ людей, или пока отъ этой перспективы отмахиваются, — мысль о технической работѣ по возстановленію разныхъ сторонъ русской жизни является естественной и не вызываетъ внутреннего отпора, хотя въ то же время она, будучи лишена связи съ реальной перспективой, именно въ силу этого превращается въ какую-то бесплодную мечту. Но когда ясно себѣ представишь, что работать придется не въ чудесно возстановленной великодержавной Россіи, а въ колониальной странѣ, фактически поработанной иностранцами, — руки опускаются, и о технической работѣ не хочется думать.

VII

Итакъ, всѣ виды политической дѣятельности и даже аполитической работы по возстановленію разныхъ сторонъ государственнаго быта Россіи для русской эмиграціи закрыты, какъ явно нецѣлесообразные. Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы русскіе эмигранты могли съ спокойной совѣстью предаться бездѣйствію или всецѣло уйти въ свои личныя дѣла, забывъ о Россіи. Наоборотъ, нарисованныя выше перспективы будущей судьбы Россіи таковы, что сознавъ ихъ, никто изъ русскихъ спокойнымъ оставаться не можетъ. Но, только, дѣятельность русской интеллигенціи, и въ частности русской эмиграціи, должна направиться по совершенно иному руслу, чѣмъ то, по которому оно протекало до сихъ поръ.

Мы уже указали выше, что будущее поработанной иностранцами Россіи въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, сумѣетъ ли русская интеллигенція оказать иностранному засилію надлежащій духовный отпоръ. Мы указали и на то, что для этого отпора необходимъ радикальный переворотъ въ русскомъ общественномъ сознаниіи и настроеніи, такъ какъ современная русская интеллигенція по своей психологіи ни къ какому духовному отпору иностранцамъ не приспособлена. Этимъ сразу указывается и направленіе дѣятельности для русской эмиграціи. Центръ тяжести изъ области техники государственнаго строительства и политической работы переносится въ область выработки міросозерцанія и созданія, и укрѣпленія самобытной націо-

нальной культуры. Мы должны привыкнуть къ мысли, что романо-германскій міръ со своей культурой нашъ злѣйшій врагъ. Мы должны безжалостно свергнуть и растоптать кумиры тѣхъ заимствованныхъ съ Запада общественныхъ идеаловъ и предрасудковъ, которыми направлялось до сихъ поръ мышленіе нашей интеллигенціи. Освободивъ свое мышленіе и міроспущеніе отъ давящихъ его западныхъ шоръ, мы должны внутри себя, въ сокровищницѣ національно-русской духовной стихіи, черпать элементы для созданія новаго міровоззрѣнія. Въ этомъ духѣ мы должны воспитывать и подрастающее поколѣніе. Въ то же время, вполнѣ свободные отъ преклоненія передъ кумиромъ западной цивилизаціи, мы должны всемірно работать на созданіи самобытной національной культуры, которая, сама вытекающая изъ новаго міровоззрѣнія, въ то же время обосновала бы собой это міровоззрѣніе. Въ этой огромной, всеобъемлющей работѣ есть дѣло для всѣхъ, не только для теоретиковъ, мыслителей, художниковъ и ученыхъ, но и для техниковъ-спеціалистовъ и для рядового обывателя. Общимъ требованіемъ, предъявляемымъ ко всѣмъ, является радикальный переворотъ въ міровоззрѣніи.

Задача, о которой идетъ рѣчь, жизненна и реальна для всей русской интеллигенціи. Безъ ея выполненія Россія никогда не освободится отъ рабства. Въ настоящее время работа по выполненію этой задачи уже производится въ отдѣльныхъ умахъ, но этого мало, надо, чтобы она стала всеобщей. Разумѣется, по самому своему существу

работа эта должна производиться преимущественно въ самой Совѣтской Россіи. Повидимому, она тамъ и производится. По крайней мѣрѣ, частныя письма идущія оттуда, часто содержатъ въ себѣ свидѣтельства о глубочайшихъ переворотахъ и огромныхъ сдвигахъ въ міровоззрѣніи самыхъ различныхъ людей и о жаждѣ къ творчеству, проникнутому совершенно новымъ духомъ. Но, въ то же время тѣ же письма свидѣтельствуютъ о томъ, что вся эта работа загнана внутрь и придушена. Большевики, хотящіе во что бы то ни стало всѣмъ навязать свое собственное, обвѣтшавшее, грубо-элементарное и не могущее удовлетворить мыслящаго человѣка міросозерцаніе, боятся всякаго проявленія свободнаго движенія мысли, препятствуютъ проповѣди идей, неукладывающихся въ марксистскія схемы, и тѣмъ самымъ тормозятъ умственное и нравственное перерожденіе русской интеллигенціи. Имѣя свое, весьма опредѣленное понятіе о томъ, чѣмъ должна быть культура всякаго коммунистическаго государства, они стараются въ корнѣ подавить всякія попытки національнаго культурнаго творчества.

Эти то неблагоприятныя условія, существующія въ Совѣтской Россіи, и придаютъ особое значеніе и важность работѣ русской эмиграціи. Надъ нами, эмигрантами, не тяготитъ совѣтская цензура, отъ насъ не требуютъ, чтобы мы были обязательно марксистами. Мы можемъ думать, говорить и писать, что хотимъ, и если въ какой-нибудь странѣ, гдѣ мы временно обитаемъ, та или другая наша мысль вызвала бы противъ насъ репрессіи, мы можемъ

перемѣнить мѣсто жительства. А потому, нашъ долгъ состоитъ въ выполненіи той громадной культурной работы, которая тамъ въ Россіи сопряжена съ часто непреодолимыми препятствіями. Эта задача неизмѣримо значительнѣе всей той никчемной политической грызни и сутолоки, которой предаются теперь наши общественные дѣятели. И если русская эмиграція хочетъ дѣйствительно сыграть почетную роль въ исторіи Россіи, ей нужно бросить всю эту недостойную игру въ политику и заняться работой по перестройкѣ духовной культуры. Въ противномъ случаѣ, будущій историкъ будетъ въ правѣ заклеить русскую эмиграцію тяжкимъ приговоромъ.

Софія, сентябрь 1921 г.

Кн. Н. С. Трубецкой

„ВОСТОКЪ“ И „ЗАПАДЪ“ ВЪ ИСТОРИИ СТАРАГО СВѢТА

Отъ времени до времени очень полезно подвергать пересмотру наши привычныя историческія понятія для того, чтобы при пользованіи ими не впадать въ заблужденія, порождаемая склонностью нашего ума приписывать своимъ понятіямъ абсолютное значеніе. Необходимо помнить, что «правильность» или «ложность» историческихъ, какъ и всякихъ другихъ научныхъ, понятій зависитъ отъ избранной точки зрѣнія, что степень ихъ соотвѣтствія дѣйствительности можетъ быть большей или меньшей, смотря по тому къ какому историческому моменту мы ихъ примѣняемъ, что ихъ содержаніе постоянно, то незамѣтно и постепенно, то внезапно мѣняется. Къ числу понятій особенно часто употребляемыхъ, и притомъ какъ разъ съ наименьшей степенью критики, принадлежатъ понятія «Востока» и «Запада». Противоположность «Востока» и «Запада» — ходячая формула со времени еще Геродота. Подъ «Востокомъ» подразумѣвается «Азія», подъ «Западомъ» — «Европа», — двѣ «части свѣта», два «материка», какъ увѣряютъ гимназическіе учебники; два «культурныхъ міра», какъ выражаются